Гендерные стратегии и дисциплинарные практики в религиозных сообществах

Надежда Белякова, Игорь Микешин

Гендерные стратегии и дисциплинарные практики в религиозных сообществах. Введение

DOI: http://doi.org/10.22394/2073-7203-2018-36-2-7-16

Nadezhda Beliakova, Igor Mikeshin

Gender Strategies and Disciplinary Practices in Religious Communities. Introduction

Nadezhda Beliakova — Institute of World History, Russian Academy of Sciences; National Nuclear Research University (Moscow, Russia). beliacovana@gmail.com

Igor Mikeshin — St. Petersburg Center for the History of Ideas (St. Petersburg, Russia). igor.mikeshin@anthro.ru

What is the mechanism of construction and implementation of masculinity and femininity, family and sexuality in various religious communities? Strategies and disciplinary practices, especially related to gender, play a paramount role in all religious cultures. Individual piety and sin are regarded through the prism of proper sexual behavior and precise definition of the role of every gender in a theological discourse. The images of a "real man" and "real woman," the ideal modes of interrelations and family models are constructed on the basis of various norms, implicit precepts and prohibitions. Gender strategies are impacted with social and political conditions, ecclesiology, hermeneutics, and are changing under circumstances and social changes. This paper introduces the special issue dedicated to the practices of constructing, legitimization, reflection, and maintaining gender norms and values in religious communities. The authors of this issue do not merely analyze femininity and masculinity,

sexuality and family relations in various religious communities, but also their interpretation and regulation in the framework of "lived religion." They examine different cases of construction of and reflection on gender in Islam, Roman Catholicism, Evangelicalism, Orthodox Christianity, and Judaism.

Keywords: gender, religion, lived religion, feminism, feminist theology, gender roles, disciplinary practices.

Памяти ведущего антрополога религии и гендера Сабы Махмуд

НАШ выпуск журнала посвящен практикам конструирования, легитимации, рефлексии и поддержания гендерных норм и ценностей в религиозных сообществах. Основной задачей, которую мы поставили перед нашими авторами, был анализ фемининности и маскулинности, сексуальности и семейных отношений — того, как они интерпретируются и регулируются в различных религиозных общинах. Мы рады были получить живой отклик от наших коллег, результатом которого стала подборка интересных материалов по трем мировым религиям — христианству, исламу и иудаизму. Географический фокус исследований простирается далеко за пределы России, хотя и российские религиозные сообщества представлены совершенно разными примерами христианских и мусульманских сообществ. Несмотря на кажущуюся простоту поставленной задачи (ниже мы покажем, что это вовсе не так), в представленных материалах нет ни избитых формулировок, ни простых ответов, ни необоснованных суждений. Несмотря на то, что вопросы гендерной идентичности и семейных ценностей для религиозных людей относятся к наиболее актуальным (после, разве что, вопросов личного спасения), далеко не во всех религиоведческих дисциплинах им уделяется должное внимание. Если в социальной антропологии взаимоотношения религии и гендера стали мейнстримом (в том числе благодаря работам Сабы Махмуд[1]), то в дисциплинах, непосредственно связанных с обоими феноменами, до сих пор существует проблема «двойной слепоты»: религиоведение и гендерные

1. См., например, Mahmood, S. (2005) *The Politics of Piety: the Islamic Revival and the Feminist Subject*. Princeton: Princeton University Press.

исследования практически не уделяют внимания вопросам религии и гендера соответственно[2]. Схожая ситуация наблюдается в социологии, хотя недавно соотношение религии и гендера стало чаще рассматриваться в рамках одного исследования (самым ярким примером являются работы Линды Вудхед[3]). Теология уделяет должное внимание вопросам гендерной идентичности и семейным ценностям, но делает это, как правило, в нормативном ключе[4]; исключением в данном случае является набирающая популярность феминистская теология[5].

Необходимость осмысливать историю не только с политической, экономической или культурной точек зрения, но и в гендерном аспекте была осознана еще в 1920-е годы, однако подъем исторической феминологии произошел в контексте второй волны феминизма. Наиболее фундаментальные разработки (которые иногда вступали в идеологический конфликт с радикальным крылом *women's studies*) были посвящены Новой истории[6], Реформации[7] и истории религиозных меньшинств[8]. В областях, всецело принадлежавшим историкам, обращение к женской и гендерной

2. Gemzöe, L., Keinänen M.-L. (2016) "Contemporary Encounters in Gender and Religion: Introduction", in L. Gemzöe, M.-L. Keinänen, A. Maddrell (eds) *Contemporary Encounters in Gender and Religion: European Perspectives*, pp. 1–28. Cham: Palgrave Macmillan.
3. См., например, Woodhead, L. (2001) "The Impact of Feminism on the Sociology of Religion: From Gender-Blindness to Gendered Difference", in R.K. Fenn (ed.) *The Blackwell Companion to the Study of Religion*, pp. 67–84. Oxford and Malden: Blackwell.
4. Ярчайший пример со стороны евангелического христианства: Grudem, W. (ed.) (2002) *Biblical Foundations for Manhood and Womanhood*. Wheaton, Il.: Crossway Books.
5. См. Vuola, E. (2002) *Limits of Liberation. Feminist Theology and the Ethics of Poverty and Reproduction*. London: Sheffield Academic Press & Continuum; Griffith, R.M. (2000) *God's Daughters. Evangelical Women and the Power of Submission*. Berkeley: University of California Press.
6. Peters, Ch. (2003) *Patterns of Piety: Women, Gender and Religion in Late Medieval and Reformation England*. Cambridge University Press; Wissner-Hanks, M. (2008) *Women and Gender in Early Modern Europe*. Cambridge University Press.
7. Kirsi, S. (2009) *Women and the Reformation*. Blackwell Publishing; Domröse, S. (2014) *Frauen der Refomationszeit*. Vandenhoeck & Ruprecht и др.
8. Visser, P. (ed.) (2014) *Sisters. Myth and Reality of Anabaptist, Mennonite, and Doopsgezind Women, ca 1525–1900*. Series: Brill's Series in Church History, Volume 65; Bouldin, E. (2015) *Women Prophets and Radical Protestantism in the British Atlantic World, 1640–1730*. Cambridge University Press; Polder, K. (2016) *Matrimony in the True Church: The Seventeenth-Century Quaker. Marriage Approbation Discipline*. Routledge; Tarter, M.L., Gill, C. (eds) (2018) *New Critical Studies on Early Quaker Women, 1650–1800*. Oxford University Press.

истории позволило по-новому описать механизмы иерархизации сообществ, оформления и закрепления гендерных неравенств и сложной социальной дифференциации, а главное — взглянуть на гендерные роли в семье и религиозных сообществах, исходя из социального и культурного контекста.

Переходом к эмическому подходу в изучении религий, а точнее его наиболее адекватной формулировкой, стал концепт Роберта Орси *lived religion* («проживаемая религия»)[9], который фокусирует внимание на религии не как на особом феномене, а как на повседневной практике верующих людей. В рамках этого подхода наиболее результативными стали исследования, осуществленные междисциплинарными инициативными группами. Рецензию на недавно вышедшую коллективную монографию, посвященную современным подходам к изучению темы «религия и гендер» в европейской перспективе[10], можно прочитать в настоящем номере журнала. Вклад наших авторов в рамках этого подхода мы рады представить вниманию читателя.

Несмотря на довольно маргинальное положение изучения гендера в связи с религией, трудно переоценить значение такого рода работ как для исследований гендера, так и религии. Конструирование гендерной идентичности касается не только вопросов морали и повседневной жизни верующих, но и различных аспектов вероучения, включая сотериологию (учение о спасении), экклесиологию (учение о церкви) и даже учение о Боге, а также вопросы, связанные с каноническим правом и церковной дисциплиной. История изучения различных религий показывает, что гендерно недифференцированные ритуалы, обряды, роли в общине и семье являются редким исключением из общего правила: религиозное видение мира, общества, семьи и личности теснейшим образом связано с гендерной идентичностью даже в тех случаях, когда оно не патриархально. Эта идентичность проявляется не только в различии ролей женщин и мужчин в богослужении, иерархической структуре, церковной деятельности или религиозном воспитании и образовании, но и в процессе конструирования пространства, общинной идентичности и особенно в языке. Предлагаемые роли «настоящей женщины», «настояще-

9. Orsi, R.A. (1985) *The Madonna of 115th Street: Faith and Community in Italian Harlem, 1880–1950*. New Haven: Yale University Press.

10. Gemzöe, L., Keinänen, M.-L., Maddrell, A. (eds) (2016) *Contemporary Encounters in Gender and Religion: European Perspectives*. Cham: Palgrave Macmillan.

го мужчины» и «настоящей семьи», которые фиксируют антропологи, формируются не только и не столько при помощи гласных и негласных запретов и предписаний. Например, обсуждение темы греха в авраамических религиях немыслимо без упоминания о половых девиациях.

Насколько гендерное неравенство является порождением самих мировых религий, а насколько — продуктом исторического и культурного развития общества? Нам представляется, что этот вопрос возможно обсуждать только в междисциплинарном контексте.

В настоящем номере журнала мы пытаемся продемонстрировать возможность выхода за пределы социальных дисциплин, рассматривающих гендерные отношения сквозь призму власти и подчинения, и показать, как сами религиозные системы реагировали в прошлом и реагируют сегодня на динамику этих отношений. Следует признать, что если иудаизм, западный протестантизм и католицизм (в меньшей степени и позднее) дали ответы на поставленные в ходе модернизации гендерные вопросы, то православие, связанное с обществами «догоняющего развития», оказалось к этому не вполне готово[11]. Тем больший интерес представляет попытка, отраженная в рецензируемом сборнике «Диакониссы, рукоположение женщин и православная теология», дать такой ответ и снять напряжение между требованием уравнивания женщин в правах с мужчинах и традицией «православной патриархальности» (предпочитающей невидимые функции женщин) через обращение к сюжетам о вне(над)-гендерных и харизматических аспектах христианства.

В Главной теме обсуждается вопрос о том, как соотносится концепт гендера, плотно вошедший в современные социальные науки, с религиозными представлениями о мужском и женском полах. Это, безусловно, важно, поскольку интеллектуальные элиты всех конфессий были вынуждены реагировать на концепт гендера как культурного проекта и стали испытывать фрустрацию, оказавшись перед вызовами радикальных гендерных теорий и движений, тогда как де-факто в XX веке все религии переживали процесс активной феминизации[12]. Главная тема открывает-

11. См. о специфике ситуации в православии: Liveris, L.B. (2005) *Ancient Taboos and Gender Prejudice: Challenges for Orthodox Women and the Church*. Routlege.

12. Trezebiatowska, M., Bruce S. (2012) *Why Are Women More Religious Than Men?* Oxford: Oxford University Press; Aune, K., Sharma, S., Vincett, G. (eds.) (2008) *Women and Religion in the West: Challenging Secularization*. Aldershot: Ashgate Publishing.

ся статьей Диляры Брилевой, которая, обращаясь к татарской периодике начала XX века, анализирует роль и место мусульманки как в исламской общине Российской империи, так и в глобальной умме. Не зная, какую жесткую позицию по отношению к религиозным институтам (как оплоту патриархального подавления женщины) примут сторонники феминизма первой волны, многие авторы в Российской империи видели решение накопившихся гендерных и социальных противоречий посредством институционализации женской активности в рамках религиозных структур. Российские авторы во многом опережали или предугадывали темы, которые несколько десятилетий спустя вошли в повестку дня на Западе. Если положение женщины в православной церкви получило освещение в историографии[13], то положение женщины в российском исламском сообществе ранее не было предметом специального изучения.

Тему, начатую Брилевой, продолжает исследование Галины Зелениной о феминистском повороте в иудаизме и иудаике. Автор рассказывает, как ортодоксальные иудейки, находящиеся в западном социально-политическом контексте, в последней трети XX века смогли внести коррективы в традиционную теологию и практику, изменив представление о месте женщины в религиозном сообществе, а также пересмотреть представления о роли женщин в иудаизме прежних эпох. Иначе говоря, феминистки, принадлежащие к ортодоксальному иудаизму, стали теми, кто продуцирует гендерные исследования.

Статья Дениса Журавлева знакомит читателей с реакцией католической теологии на гендерные теории, феминистские идеи и движения (в том числе внутри церкви) на протяжении второй половины XX века. Автор обращает внимание на неодобрительное отношение в консервативной католической среде к самому концепту гендера и рассматривает теорию комплементарности как альтернативу идеям гендерной и сексуальной идентичности, не связанную с биологически заданными характеристиками. В статье идет речь о серьезной проблеме, которая встала перед католической теологией в связи с распространением квир-теории и смелыми концепциями либеральных американских католических теологов. В то же время Журавлев подробно рассматривает

13. *Белякова Е.В., Белякова Н.А.* Дискуссии о правовом статусе женщин в православии в начале XX века // Гендер и религия. Сб. статей. ИЭА РАН. М., 2009. С. 90-111; *Белякова Е.В., Белякова Н.А., Емченко Е.Б.* Женщина в православии: церковное право и российская практика. М.: Кучково поле, 2011.

консервативных и антиглобалистски настроенных католических авторов, которые связывают развитие гендерных теорий с глобальными процессами, способствующими разрушению естественного порядка вещей. Вопросы гендерного равенства, изменения сексуальных практик, нормативности однополых отношений, вообще «телесности» стали обсуждаться в католической среде. Это обсуждение — прежде всего попытка найти общий язык с современным научным знанием.

Логичным продолжением статьи Журавлева стало исследование Екатерины Хониневой, которая на примере российских католиков рассматривает отношение к гендеру и телесности сквозь концепт «призвания», артикулированный после Второго Ватиканского Собора. Идея гендеризированной телесности вошла в католическую теологию, которая сегодня осмысливает «тело» не через отвержение телесности, а посредством контроля над ней. Как безбрачное состояние, так и брак благословляются церковью как возможные пути достижения святости. В то же время в российских реалиях поиск призвания имеет ярко выраженную гендерную ориентацию в связи с острым дефицитом священнических кадров. Тем не менее, сама идея о фундаментальных призваниях через осмысление своего гендеризированного тела имеет огромное значение. Вопрос, задающийся в рамках пастырской поддержки признаний: «а вдруг я не муж или не жена», — подводит нас к сюжету о браке, семье и гендерных отношениях в практике современных христианских церквей.

Статья Екатерины Мироновой переключает внимание с католической церкви на позднепротестантскую деноминацию евангельских христиан-баптистов в Тамбовской области и посвящена специфическим брачным практикам, которые сформировались в этой среде в послевоенный период. В условиях преследований со стороны Советской власти и запрета на обучение религии семья оставалась единственным институтом воспроизводства верующих. Автор показывает, как религиозное сообщество (состоявшее преимущественно из женщин) диктовало своим членам нормативы, связанные с гендерными отношениями, одновременно находясь в сильной зависимости от советского конструирования семьи, особенно через брачные ритуалы.

В статье Эйприл Френч и Надежды Беляковой речь идет о том, что в религиозных сообществах сами женщины часто выступают акторами дисциплинаризации по отношению к другим женщинам и транслируют мизогинистские установки. Введя понятие

«богословия приличия», авторы проанализировали эволюцию требований к внешнему виду женщин в общинах евангельских христиан-баптистов в позднесоветский и постсоветский периоды. Они отмечают, что правила приличного внешнего вида, демонстрирующего библейскую скромность и служащего знаком отделения от внешнего греховного мира, стали адресоваться преимущественно женщинам, и это особенно показательно на фоне усиления традиционалистских установок в постсоветский период. После обретения религиозной свободы христианские сообщества и их представители стали с легкостью транслировать неоконсервативную риторику, в которой «традиционные» гендерные роли выступают чуть ли не как основы, заложенные Богом[14].

Насколько дискурс традиционных гендерных ролей, тесно связанный с семейными ценностями, актуален для современного российского общества? Статья Дианы Духановой посвящена одному из периферийных сюжетов конфессионально-государственных отношений в России последнего десятилетия — празднованию Дня семьи, любви и верности, приуроченного к памяти святых Петра и Февронии. Праздник рассматривается как попытка государства инструментализировать Православную церковь в контексте пронаталистской политики. Представители Русской православной церкви в своих взглядах на семью отражают существующее в российском обществе разнообразие и не готовы безусловно усваивать фундаменталистскую риторику «традиционных семейных ценностей». При этом противоречивость использования истории бездетных Петра и Февронии как святых покровителей многодетной православной семьи лишь подчеркивает неоднозначность семейной политики как церкви, так и государства.

Вопросу о том, насколько перемещение в иную социальную и культурную среду влияет на изменение гендерных представлений, посвящена последняя статья Главной темы. Джузеппе Джордан, Марко Гульельми и Ольга Бреская анализируют гендерный порядок и семейные ценности в православии, используя методологию социологии религии. На примере противостояния с доминирующим католицизмом и всепроникающим европейским секуляризмом они рассматривают гендерную и религиозную идентичности румынских православных женщин в Италии.

14. Brasher, B.E. (1998) *Godly Women: Fundamentalism and Female Power*. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press.

Задачей выпуска было актуализировать и привлечь внимание к проблеме гендера в религиоведческих исследованиях, вызвать дискуссии и возражения. Если предложенные вниманию читателя статьи вызовут несогласие, спровоцируют дискуссию, позволят иначе взглянуть на объект своего исследования или изменить восприятие современных гендерных отношений, редакторы выпуска будут считать, что их задача выполнена.

Библиография / References

Белякова Е.В., Белякова Н.А. Дискуссии о правовом статусе женщин в православии в начале XX века // Гендер и религия. Сб. статей. ИЭА РАН. М., 2009. С. 90–111.

Белякова Е.В., Белякова Н.А., Емченко Е.Б. Женщина в православии: церковное право и российская практика. М.: Кучково поле, 2011.

Aune, K., Sharma, S., Vincett, G. (eds.) (2008) *Women and Religion in the West: Challenging Secularization*. Aldershot: Ashgate Publishing.

Beliakova E.V., Beliakova N.A. (2011) "Diskussii o pravovom statuse zhenshchin v pravoslavii v nachale XX veka" [Debates on the legal status of women in Orthodoxy in the early 20th century], in *Gender i religiia. Sb. Statei* [Gender and religion. Collection of articles], p. 90–111. IEA RAN. M., 2009.

Beliakova E.V., Beliakova N.A., Emchenko E.B. (2011) *Zhenshchina v pravoslavii: tserkovnoe pravo i rossiiskaia praktika* [Women in Orthodoxy: Church Law and Russian Practice]. M.: Kuchkovo pole.

Bouldin, E. (2015) *Women Prophets and Radical Protestantism in the British Atlantic World, 1640–1730*. Cambridge University Press.

Gemzöe, L., Keinänen, M.-L., Maddrell, A. (eds) (2016) *Contemporary Encounters in Gender and Religion: European Perspectives*. Cham: Palgrave Macmillan.

Gemzöe, L., Keinänen, M.-L (2016) "Contemporary Encounters in Gender and Religion: Introduction", in L. Gemzöe, M.-L. Keinänen, A. Maddrell (eds) *Contemporary Encounters in Gender and Religion: European Perspectives*, pp. 1–28. Cham: Palgrave Macmillan.

Griffith, R.M. (2000) *God's Daughters. Evangelical Women and the Power of Submission*. Berkeley: University of California Press.

Grudem, W. (ed.) (2002) *Biblical Foundations for Manhood and Womanhood*. Wheaton, Il.: Crossway Books.

Kirsi, S. (2009) *Women and the Reformation*. Blackwell Publishing; Domröse, S. (2014) *Frauen der Refomationszeit*. Vandenhoeck & Ruprecht.

Liveris, L.B. (2005) *Ancient Taboos and Gender Prejudice: Challenges for Orthodox Women and the Church*, Routlege.

Mahmood, S. (2005) *The Politics of Piety: The Islamic Revival and the Feminist Subject*. Princeton: Princeton University Press.

Orsi, R.A. (1985) *The Madonna of 115th Street: Faith and Community in Italian Harlem, 1880–1950*. New Haven: Yale University Press.

Peters, Ch. (2003) *Patterns of Piety: Women, Gender and Religion in Late Medieval and Reformation England*. Cambridge University Press.

Polder, K. (2016) *Matrimony in the True Church: The Seventeenth-Century Quaker. Marriage Approbation Discipline*. Routledge.

Tarter, M.L., Gill, C. (ed.) (2018) *New Critical Studies on Early Quaker Women, 1650–1800*. Oxford University Press.

Trezebiatowska, M., Bruce S. (2012) *Why Are Women More Religious Than Men?* Oxford: Oxford University Press.

Visser, P. (ed.) (2014) *Sisters. Myth and Reality of Anabaptist, Mennonite, and Doopsgezind Women, ca 1525–1900*. Series: Brill's Series in Church History, Volume 65.

Vuola, E. (2002) *Limits of Liberation. Feminist Theology and the Ethics of Poverty and Reproduction*. London: Sheffield Academic Press & Continuum.

Wissner-Hanks, M. (2008) *Women and Gender in Early Modern Europe*. Cambridge University Press.

Woodhead, L. (2001) "The Impact of Feminism on the Sociology of Religion: From Gender-Blindness to Gendered Difference", in R.K. Fenn (ed.) *The Blackwell Companion to the Study of Religion*, pp. 67–84. Oxford and Malden: Blackwell.